ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

АПРЕЛЬ 2021 г. ● № 4 (290) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ

Издается редакцией и Союзом писателей России

Эдуард АНАШКИН

Берега и обереги

О прозе Николая Иванова

Либо напиши хорошую книгу, либо проживи жизнь, достойную хорошей книги. Если не ошибаюсь, эти слова принадлежат Эрнесту Хемингуэю. И про эти слова вспоминаешь, читая книги Николая Иванова, работающего в редком жанре слияния художественности и суровой документалистики. «Вход в плен бесплатный или расстрелять в ноябре», «Зачистка», «Наружка», «Операцию «Шторм» начать раньше»… Когда-то в молодости первая профессия Николая Иванова – защищать Родину – призвала его в литературу. И попутно освободила от поиска тем для произведения. Литературное бестемье и мелкотемье Иванову не грозили: главной его темой стала судьба Родины и её защитников. Она всегда с Николаем Федоровичем, который имеет такую биографию, что по увлекательности его судьба может посоперничать за внимание читателей с его книгами. Неслучайно его произведения выходили в российских издательствах в сериях «Военные приключения» и «Современный российский детектив».

Жизненный путь Иванова не просто схож с остросюжетным романом. Кого сейчас, в эпоху «экшена», удивить остросюжетностью? В биографии Николая Федоровича, как и в его книгах, остросюжетных и захватывающих внимание читателя, между строчек пульсирует наша трагическая и противоречивая эпоха, открывшая в одних людях удивительную низость и подлость, а в других не менее изумительные порывы героизма и самоотверженности. А Николай Иванов, подобно доктору Чехову, изучает человеческую натуру в самых экстремальных условиях, будучи сам же помещен профессией военного в эти условия. Медали Николая Федоровича (в том числе медаль «За отвагу») и его ордена («За службу Родине» и другие) – лишь внешняя парадная сторона жизни. А за этим респектабельным фасадом стоит опасная служба в горячих точках Афганистана, суровые будни офицера, несколько месяцев чеченского плена, когда, сидя в земляной яме зиндана, был готов Иванов в любой момент к расстрелу. Но даже и тогда продолжал свое писательское дело по изучению характеров людей, с которыми его свела и столкнула судьба. Охранники в чеченском плену называли Иванова либо полковником, либо Чеховым, имея в виду, что он писатель. Причем, уважение к профессии писателя было даже у боевиков-сепаратистов. Если охранники говорили «Чехов, на выход», то Иванов понимал – бить сегодня его не будут. А когда его выводили из зиндана, как полковника, значит, впереди либо расстрел, либо побои. И лишь благодаря успешной спецоперации Николай Иванов был освобожден из плена.

Так же, как боевые награды, и литературное признание, выход новых книг, вручение престижных премий – лишь внешняя часть жизни Николая Иванова. А за ней – суровые будни руководителя писательской организацией, что простирается от Калининграда до Владивостока. Писательское хозяйство – оно беспокойное, и кто-то должен со всем этим управляться. Нужен человек боевой и мудрый одновременно. Потому писатели России на съезде и выбрали несколько лет назад Николая Иванова «командиром» своего боевого литературного подразделения.

А когда-то урожденный житель брянских земель и профессиональный десантник Николай Иванов попал в литературу по наитию. Не было литературных институтов в его жизни. А было Суворовское училище, потом Львовское военное училище. Было многолетнее занятие литературой, как говорится, в стол. Но еще был его величество случай, когда однажды, проходя службу в Пскове, молодой Николай Иванов решил заглянуть в Псковское отделение писателей СССР. Встретивший его будущий коллега, не откладывая в долгий ящик и не кормя молодого автора «завтраками», тут же, при нем, прочел его рассказ и, выразив надежду в перспективности молодого прозаика, тем не менее, не преминул преподать ему «чеховский урок». Напомнил: краткость – сестра таланта. Проще говоря, посоветовал сократить рассказ.

Вдохновенная псковская земля подарила молодому прозаику из героической многострадальной Брянщины роскошь творческого общения с такими выдающимися псковитянами, как пушкиновед Семен Гейченко, литературовед Валентин Курбатов. Подарила возможность участвовать в областных и межрегиональных литературных семинарах, проходивших в Пскове и Ленинграде. Даже когда ради участия в семинаре приходилось вырывать служивого человека Николая Иванова на несколько дней оттуда, где он позднее проходил службу, – из Афганистана…

Военный журналист и писатель, на сегодняшний день автор двадцати книг прозы, Николай Иванов писатель не кабинетно-дачный. Когда в одном из театров России решили поставить спектакль по его произведению и позвали его как автора посмотреть репетиционный процесс, то с грустным недоумением Николай Федорович сделал вывод, что никто из труппы не служил в армии. В противном случае артисты бы знали, как носить на сцене автомат и как себя вести, играя сцены артобстрела, знали бы, как зашнуровывать берцы и что такое «сам погибай, а товарища выручай», когда это не просто слова, но – действия. Пришлось Иванову выступить не только автором пьесы, но и консультантом, помочь артистам войти в роль по-настоящему.

Видимо, благодарность за творческое наставничество, полученное в молодости, за понимание непреложности литературной смены поколений, в немалой степени побуждают сегодня председателя Союза писателей России Николая Федоровича Иванова поддерживать молодых литераторов и ту связку-эстафету поколений, без которой никак нельзя. Общение писателей разных поколений делает литературу полнокровной. Старшему поколению помогает не забывать о молодой творческой дерзновенности. А молодому поколению – не отрываться от истории своей страны, которую так склонна замалчивать и переиначивать каждая очередная власть. Тем более, что нынешняя молодежь не помнит и не знает в силу возраста, что творилось в нашей стране на рубеже 80-90 годов. Как ополчившиеся на советскую страну «вихри враждебные» по указке Запада тотально и подло подставляли «людей в погонах», всячески стараясь дискредитировать армию, флот, органы госбезопасности. Шли на все! Гвардейские дивизии, которые получили гвардейский статус в боях за Родину еще во времена Великой Отечественной войны, специально направлялись «пятой колонной» на спецоперации по борьбе с собственным народом. Как сказано в новом романе Николая Иванова «Реки помнят свои берега»* устами главного героя, «…армия начинает терпеть поражения, когда гвардию посылают умирать на второстепенных направлениях…».

Многочисленные провокации, в которых гибли мирные граждане, тогдашняя «демократическая» власть ставила в вину военным, устами либеральных СМИ называя их «оборотнями в погонах». При этом власть унижала офицеров нищенской зарплатой, стали нередки случаи самоубийства младшего офицерского состава. Молодые офицеры были в отчаянии, что не могут прокормить собственную семью. Естественно, начался массовый отток профессиональных кадров из армии, которая стала оболгана, оплевана, обворована, закошмарена.

(Окончание – стр.3)

Вячеслав ЛЮТЫЙ

Из корня одного, из чистой глуби сердца́

Послесловие к поэме Виктора Петрова «Аввакум. Распря»

Не однажды в истории Руси предпринимались внешними силами настойчивые попытки переиначить русский уклад, сломать живую русскую матрицу и на её место поставить распорядок западный, обыкновение рациональное. По существу, речь шла о завоевании Русской земли средствами умственными, а не силовыми, мировоззренческими, а не военными. Наверное, только крещение Руси оказалось органичным для здешнего человека, хотя и остались вопросы, на которые мы вынуждены отвечать по наитию, по видениям древней памяти, порой мелькающим в нашем измученном цивилизацией уме. В первую очередь, это взаимоотношения православного русского с природой. Тем не менее, представить сегодня нашего человека вне Православия практически невозможно, и пугающий облик его вне веры в Бога точными красками обозначил ещё Достоевский.

Эпоха раскола Русской Церкви на старую и новую аукается в течение многих веков ещё и потому, что в те давние времена было поколеблено, кажется, само основание русской жизни. Буква обновлённого духовного закона внедрялась в мироощущение верующего люда безжалостными способами, в полном забвении Христовой заповеди о любви к ближнему. Самую общую кальку этого процесса мы наблюдаем и в картинах Петровских преобразований, и два с лишним века спустя в перековке на социалистический лад старорежимного гражданина в революционные десятилетия, и в подавлении всего почвенно-русского в постсоветские годы… Стоит сказать, что народ русский через мучения и кровь воспринимает новые правила – и постепенно превращает чужое в своё, вполне самобытное. Но цена такого во многом безжалостного процесса велика, потери людские – чудовищны. Между тем, каждое следующее русское поколение относится к противоречивому наследию отцов и дедов уже спокойно и непостижимо исполняет требования следующей эпохи с поправками на прошлую жизнь, на историю, которую считает теперь не навязанной, но своей. В этом слышится мудрое пушкинское отношение к наследию Петра I, которое сто́ит воспринимать как удивительную особенность русского ума и русского сердца.

Поэма Виктора Петрова «Аввакум. Распря» *(denliteraturi.ru/article/5230)* выглядит как драматургическое произведение. Пожалуй, только так можно передать личностное противостояние протопопа Аввакума и патриарха Никона, которое во многом и определило все события Раскола. Убеждённость главного защитника старой веры, его жертвенность и понимание себя как воина Христова оттеняются самолюбием Никона, его гордыней и стремлением настоять на своём, желанием встроиться в иерархию Вселенской Церкви на скупых условиях, предлагаемых Западом. Казалось бы, в прежние годы единомышленники, теперь они – непримиримые враги. Не случайно Аввакум, предчувствуя кровавые методы внедрения церковных реформ, произносит многое определяющую формулу: «Спас на родовой крови». Русская органика, сохранившая себя после Крещения, теперь безжалостной рукой вырезается из национального тела, и невидимый земным оком храм, поставленный на необъятном месте этой трагедии, в своём наименовании соединяет прошлое и настоящее, стремление в Небеса и страшную цену, которую народ должен заплатить за свой завтрашний день.

Примечательны многие мизансцены и психологические характеристики главных действующих лиц этой поэтической драмы. Скоморохи, как будто порицающие власть и зло над ней смеющиеся, оказываются в более выигрышном положении, чем протопоп Аввакум, строгий в словах и упрёках, но искренний в своих убеждениях.

Тишайший царь Алексей Михайлович в духовном отношении видится фигурой колеблющейся, существом непоследовательным – как в умозрении, так и в человеческих чувствах. Отчасти он напоминает Понтия Пилата в судьбоносный момент его биографии.

Стрельцы готовы предать Аввакума смертным мукам, а много позже относятся к нему едва ли не с почтением. Одни соратники мятежного протопопа смиряются и переходят в стан Никона, другие – идут до конца, хоть и спорят меж собой, и испивают смертную чашу в изуверском костре, устроенном в Пустозерске по приказу молодого царя.

И только Никон пребывает в неизменном душевном состоянии гордыни и обольщения, которые владеют им даже в период удаления от двора. И рядом – восточные патриархи, склонный к униатству малороссийский книжник Симеон Полоцкий – надменные противники естественного, а не приказного существования Русской Церкви.

Казалось бы, пусть русская Вера избирает для себя подготовленные всей предыдущей жизнью пути развития. Потому что нет бесспорных правил в церковном укладе, и всякое выравнивание отечественного богослужебного лекала по образцу иноземного неизбежно привносит уже чужие ошибки и пристрастия на старую почву.

Главная мысль поэмы Виктора Петрова – излом русского мироощущения, продиктованный западным умом и реализованный здешними начётчиками и тщеславными властолюбцами. Совсем не случайно автор обозначил поэму об Аввакуме как «распрю». В этом слове спрятан знак прежних добрых отношений враждующих сторон, которые однажды разъединились, разбив целое, сложившееся в веках. Не отменяя историческое обозначение «Раскол», поэтический образ распри вносит важные оттенки как в детали прошлого, так и в картины настоящего. Потому что сегодня фоном жизни русского народа стала великая семейная распря, в ходе которой осыпаются прахом родственные связи и самые лучшие чувства вчера ещё близких людей.

(Окончание – стр.3)

Александр БОБРОВ

Три богатыря и Альбац с Верещук

Во что верить «свидомым»?

Украинцы получают не только дурные вести вроде растущей смертности от ковида и полного провала вакцинации, но и вдохновляющие. Литературовед Светлана Селиванова с недоумением написала: «Вот сегодня прочитала, что и «Три богатыря», оказывается, украинские. И вдруг такое чувство жалости к бывшим братьям пронзило, что сердце сжалось. Отчего такие дикие комплексы?». Отвечу: оттого, что свидомые украинцы – органически, напрочь не приемлют правды, бегут от неё, как чёрт от ладана. Более того – скорее поверят в любую ворожбу, чем в реальность, что гениально выразил ещё Гоголь.

Но с тремя богатырями первый раз дубо-

ломные националисты угадали, сказали правду… Да, они были прямыми украинцами: несли службу на окраине Древней Руси. Первозданный смысл: география – и только, но с русской храбростью и речью. И ничего, что Илья Муромец родился в Муроме, Алёша Попович в Ростове, где его отец служил священником, а Добрыня Никитич – из отцовской Рязани, из купеческой семьи. В Киеве они были понаехавшие на службу, несли вахту на украйне, как по-польски произносится окраина. А вот Соловей-разбойник – точно прообраз нынешнего украинца: сидел на дереве на киевской дороге и свистел, когда купцы богатые ехали, тырил всё, что можно, хоть газа тогда не было.

Вообще, чтобы окончательно понять, что такое нынешний украинец, даже если он жидобандера, по образному выражению замолчавшего банкира Коломойского, надо смотреть украинские телеканалы. Хотя и по гостям Владимира Соловьёва кое-что можно понять. Но московский украинец, если он Запорожец или Цимбалюк, – скорее, уже говорящая схема, дырявая торба пропагандистских штампов. До того протухших, что даже наши либералы зажимают нос. Вот, например, в начале недели, до неожиданного звонка президента Байдена в Кремль, на «Эхе Москвы» Евгения Альбац в своей программе собрала кагал единомышленников, чтобы обсудить планы «кремлёвской военщины». Явились: любимый журналист президента Путина (на «Ладе» вместе ездили) Андрей Колесников (Центр Карнеги), Павел Фенгельгауэр (военный обозреватель "Новой газеты") и Роман Цимбалюк (украинский журналист, УНИАН). Обозреватель Олег Пухнавцев делится впечатлениями:

«Ну, поначалу всё было нормально: "аннексия Крыма", "кровавый тиран Путин" и т.д. Но тут Фенгельгауэр подробно описал масштаб военных приготовлений, передислокаций, мобилизации российской армии, описал возможные шаги, вытекающие из объективных данных – десантная операция с захватом Одессы, Николаева, Херсона, наступление в районах Белгорода, Брянска, Воронежа, наступление со стороны Крыма и силами ЛДНР, отсечение и тотальное уничтожение украинской группировки на Донбассе.

Такое своеобразное предупреждение, чтоб Запад не ввязывался, когда Россия начнёт войну против Украины… Альбац чуть не поперхнулась, голос её задрожал, но она собралась и продолжила программу, передав слово Цимбалюку. И тут украинский журналист стал общаться с видными российскими либералами так, как будто перед ним Песков, Соловьёв и Симонян. Он сыпал пропагандистскими штампами, типа, украинский народ будет сражаться до последнего патрона, что ВСУ сильны как никогда, что, если сунетесь, в Россию поедут тысячи гробов… Альбац офигела, пыталась урезонить украинского журналиста, типа, мы же не Путин, типа, одно дело государство, другое дело мы, журналисты-либералы. Но Цимбалюк продолжал эмоционально сыпать пропагандистскими штампами и за пару минут так взбесил российских либералов, что Альбац (!) напомнила, как ей незадолго до 2008 года грузинские знакомые хвастались своей армией, которую блестяще обучили израильские инструкторы, напомнила о позорной коррупции в украинской армии, а Фенгельгауэр (!) стал троллить Цимбалюка, доказывая полное превосходство Российских вооружённых сил, ВКС, флота и т.д. над украинской армией, которая и недели не продержится. Думаю, они забили бы украинского корреспондента ногами, но передача вовремя закончилась…».

Но я эту программу пропустил, потому что смотрел украинский телеканал «Наш» – просторное ток-шоу "Межа" с ведущими Владимиром Полуевым и Анной Степанец. Тема (тоже ещё до отрезвляющего звонка Байдена) сложная: «Президент Зеленский заявил: «Мы готовы…». Так к чему мы готовы?». Оказалось, в результате говорильни со скандалами: ни к чему не готовы! Самой воинственной была депутат Рады Ирины Верещук из комитета по обороне. Когда другой гость-депутат Нестор Шуфрич начал свою аргументацию фразой: «Противоборствуют две великие державы…», Верещук от возмущения чуть из модного платья не выскочила – только гарная грудь не позволила: США, мол, понятно, а кто вторая-то? Все её дальнейшие включения и перебивающие реплики наглядно доказывали, кто же вторая. Из её мантр выяснилось, что Украина, её влада – ни к чему вообще не готова: «Только Путин во всём виноват, только Кремль может снять напряжённость!». На кой чёрт тогда нужны вы, «слуги непонятного народа», и сам президент Зеленский, который скулит, что только вступление в НАТО решит проблему Донбасса? А сами-то что?

Любые попытки волевой ведущей Степанец добиться внятного ответа на вопрос «К чему ж мы готовы?» – разбивался о пустые депутатские споры, взаимные обвинения и сваливание всех бед на Россию. Неуместное включение мелькающего по всем российским трёп-шоу Юсина из «Коммерсанта» только подлило масла в огонь. Он стал метать бисер и неуклюже доказывать, что возможное обострение, маленькая операция по взятию – выгодны только Украине. Его с трудом вывели из эфира, но тут дали слово сдувшемуся политику Пономарёву, который понёс чушь про Крым, что это, мол, просто личный каприз Путина (а про стойкую волю народа Крыма он ничего не слышал?), а потом сделал убийственное для студии признание: «Я только что прилетел из США – там никто за Украину воевать не собирается. Да и поддерживать будут лишь на словах».

Тогда слово передали странноватому эксперту Михаилу Чаплыге в белой рубашке с закатанными рукавами и с… детской белой рогаткой в руках: «Вот это грозное оружие мне прислали англичане. Мы не только закупку вакцины отдали британцам, не просто им продали полстраны, но делаем вид, что это лишь частные компании», – ошарашил он студию. Да и меня немного: нам же все твердят про власть США над Украиной, а тут сама «англичанка гадит». Это страшнее. Чаплыга продолжил:

«– Будапештский меморандум – это единственное, чем мы можем шантажировать весь западный мир.

– А почему не шантажируем? – спросила Степанец.

– Да потому, что ведь Британия сама себя не будет шантажировать. И мы не можем трезво взглянуть на ситуацию… Что такое Минск? – это акт капитуляции, неудобный, хреновый, но реальный… Да, мы считаем, что Россия контролирует сепаратистов, но она, по нормандскому формату, как бы отвечает за военную часть. Она её выполнила – установила режим тишины. Что в ответ? Ведь Киев должен был выполнять политическую часть. Зеленский в Нормандии это подписывал. А ничего! Русские морозят ситуацию на Востоке, а что делает Киев? – ноль! Русские просыпаются: значит так, вы политическую часть на себя брали? Если вы начинаете разрушать Минск, то мы отдаём другие команды. Что делают Британия и США? Они разрушают Минск, чтобы участвовать в другом процессе. Крымская платформа, где они будут…

Тут не выдерживает слов правды депутат от фракции «Слуга народа» Александр Ковальчук, он не желает слушать, перебивает, а когда Анна просит выключить его микрофон – покидает студию, несмотря на уговоры ведущего Полуева. Ковальчук рванулся от первых же проблесков правды под крик: «Постойте. Мы дадим заключительное слово!». Что он может ответить на правду? – очередным бредом…

– Так что же нового вы предлагаете?

– Нового? Оно у нас записано в декларации о независимости: нейтральный статус Украины! Будапештский меморандум не работает – снова заключить соглашение на этой основе».

Все как-то опешили: ну, вспомнил. А потом – это слишком просто и скучно для Украины – припомнить свою же декларацию, когда в Конституцию чёрт знает что нагородили про ЕС и НАТО. И у меня как-то запал пропал: неинтересно про наиболее реальный и забытый путь слышать. Какая ж тогда гоголевская Украина и что будут охранять по велению киевского князя три богатыря-украинца? Если только воительниц Альбац и Верещук…